

СУД СОВЕСТИ

(О прозе Владимира Тендрякова)

Владимир Тендряков — писатель обнаженно гражданской, социальной тенденции, и в этом качестве он традиционно русский писатель, потому что изыск эгоцентризма и «чистой» художественности всегда был чужд нашей литературе в наиболее значительных ее образцах. Тендряков — писатель напряженной, ищущей мысли, и это качество также традиционно для нашей литературы, которая, как известно, никогда не поддавалась соблазну «путра», не грешила небрежением к социально-философскому осмыслению постигаемой ею действительности.

И хотя Тендряков как художник платит порой за свое мучительное гражданское беспокойство, за нетерпеливость собственной мысли, за обнаженность духовных исканий, — эти протопи и убытки в конечном счете сторицей окупаются значительностью, серьезностью и современностью его слова, общественной значимостью и остротой социальных конфликтов и нравственных проблем его творчества.

В. Тендряков входил в литературу бок о бок и под влиянием таких крупных и самобытных писателей, как Валентин Овечкин и Александр Яшин, и уже самые первые работы его — «Падение Ивана Чупрова» (1953), «Непастье», «Не ко двору» (1954), «Ухабы», «Тугой узел» (1956) — стали событием литературной и общественной жизни тех лет, поставили его в ряд с учителями. Эти повести, посвященные в основном трудным процессам и противоречиям жизни колхозной деревни начала пятидесятых годов, утвердили Тендрякова в нашем общественном сознании как писателя обостренной со-

циальной зоркости, высоконравственного отношения к жизни, гражданской совестливости, как художника со своим самобытным видением мира, своеобразной палитрой изобразительных средств, с чистым и точным языком.

Конфликты ранних произведений В. Тендрякова несут на себе, как правило, зримую печать места и времени, того трудного времени, когда с особой резкостью давали о себе знать беды волюнтаризма и администрирования, порождавшие многие экономические и нравственные трудности жизни деревни той поры. И тем не менее повести эти живут, потому что, помимо правды момента, в них заключена и большая человеческая правда времени.

Она — в авторской позиции, в стремлении В. Тендрякова утвердить новое в жизни, воспринимать и исследовать действительность в непрерывном движении, в противоречиях, борьбе, в умении разглядеть и опереться в жизни на те реальные силы и тенденции, на те человеческие характеры, за которыми правда, истина, а потому — и будущее.

Проза В. Тендрякова остроконфликтна и бескомпромиссна к злу. Это проза сурового реализма и вместе с тем — выработанной внутренне, убежденной положительной позиции, проза бойцовских качеств. В ней никогда нет отрицания ради отрицания, отрицания как следствия растерянности писателя перед трудностями и сложностями жизни, но всегда — отрицание ради утверждения, утверждения в открытом бою со злом жизни во имя высоких гуманистических, коммунистических идеалов.

Тендряков одним из первых ввел нас в тайное тайных жизни деревни, воссоздал целую галерею колоритнейших характеров, выражающих реальные противоречия крестьянской, колхозной жизни, показал глубину и сложность ее. Надо отдать должное писателю-реалисту: он никогда не пригибался в жизнеописании деревни до пейзажной идилличности, но, в традициях русской и советской классики, писал правду — и тогда, когда утверждал красоту и подлинность трудовых народных характеров (Андрей Малютин в «Ненастье», Игнат Гмызин в повести «Тугой узел», Андриан Фомич в повести «Три мешка сорной пшеницы»), и когда с беспощадностью рас-

крывал бесчеловечье собственничества в повести «Не ко двору».

В повести «Суд» писатель с полной убедительностью показал нравственное величие характера старого медвежатника, крестьянина Семена Тетерина — и бессилие его во многом патриархальных жизненных принципов в борьбе со злом. Это не нигилизм по отношению к прошлому, нет! Напротив, писателю дороги подлинные ценности многовековой народной нравственности, выработанные тысячелетиями труда и преобразования земли. Для него это общечеловеческие и вечные ценности. Но он стремится к обогащению их социальной активностью, сознательностью, высокоразвитыми гражданскими началами, всем тем, что привнес в нравственную жизнь народа социализм.

Центральная тема творчества В. Тендрякова, фокус, ось всего написанного им — человеческая, личная и гражданская совесть. Об этом, по сути дела, и все, что он написал, от «Падения Ивана Чупрова» и «Ухабов» до «Весенних перевертышей» и «Трех мешков сорной пшеницы». «Нет более тяжкого суда, чем суд своей совести», — размышляет в повести «Суд» Семен Тетерин. В повести «Поденка — век короткий» чувство вины и расплаты человека за сделку с собственной совестью, как и в «Суде», «Ухабах», «Падении Ивана Чупрова», так же составляет ее нравственную суть. Эта повесть — о цене нравственной уступки себе, на которую вынудил колхозную свиначку Настю Сыроегину председатель колхоза, решивший таким путем сделать из нее «гордое знамя» артели. «Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет» — такова любимая поговорка, точнее — жизненное правило Артемия Захаровича, оправдывающая как маленькие, так и большие хитрости председателя в его непростых взаимоотношениях с миром. Совесть Артемия Захаровича давно придулилась вследствие столь частой амортизации. А вот жесткая жизненная ситуация, в которой оказалась Настя Сыроегина, попытавшаяся жить по правилам Артемия Захаровича, едва не сломала эту в принципе здоровую в своей нравственной основе женщину. Тяжкой ценой — муками совести, человеческим позором, гибелью свинофермы, которую она подожгла, чтобы скрыть очковтирательство и приписки, — заплатила Настя Сыроегина за нравственное прозрение, за возвращение к самой себе.

Еще более тяжелой ценой — гибелью человека — заплатил за отступление от нравственного закона жизни социалистического общества герой повести «Короткое замыкание» — управляющий энергосистемой Иван Капитонович Соковин. И хотя, казалось бы, трудно винить Ивана Капитоновича в этой трагедии, всем содержанием повести В. Тендряков доказывает, что он виноват. Виноват тем, что в своей деятельности руководителя он не умел, не хотел думать о человеке и человеческом.

Для творческой манеры В. Тендрякова свойственно стремление всматриваться в человеческие характеры на крутом жизненном переломе, в драматических ситуациях, когда суровые испытания высветляют душу, когда каждый человек с очевидностью демонстрирует, чего он стоит. Не случайно во многих произведениях Тендрякова — «Ухабы», «Суд», «Короткое замыкание», «Три мешка сорной пшеницы» — человек и человеческое в нем проверяются последней, конечной проверкой — смертью. Чужой смертью.

Эти критические ситуации, в которых человек не может не обнажить свою душу предельно, могут быть социально-хозяйственными («Падение Ивана Чупрова», «Ненастье», «Тугой узел», «Кончина», «Поденка — век короткий»), бытовыми («Ухабы», «Не ко двору», «Находка», «Суд»), но это всегда ситуации нравственного выбора. При всем многообразии сюжетов и фабул прозу В. Тендрякова отличает удивительная цельность. Эта цельность — в единстве социально-нравственного отношения писателя к жизни. Сводом, объединяющим все, что написал Тендряков, нервом, в «тугой узел» завязывающим все его творчество, является тревога и забота писателя о реальном обеспечении духовных и нравственных ценностей в нашей жизни.

Когда вчитываешься в эту прозу, когда вдумываешься в нее как в неровный по качеству, но единый, целостный по духу творческий организм, невозможно пройти мимо этой целеустремленности, последовательности его писательского интереса. И не просто интереса, но — боли, тревоги, одержимости, пробивающихся сквозь самый разный жизненный материал, различные сюжеты, ситуации и характеры к единому и конечному: закономерностям нравственной жизни современного человека и общества.

Этими своими чертами В. Тендряков органически принадлежит современному литературному процессу, выделяясь в ряду других писателей, быть может, обостренной полемичностью в постановке данного круга проблем и подчеркнутой социальностью в подходе к их разрешению. Он жаждет решить их немедленно и концептуально; он идет от изначального, проламываясь сквозь сферу искусства, как то случилось, скажем, в его повести «Апостольская командировка», в прямой философский диспут, мировоззренческий спор.

В чем смысл жизни?.. Достаточно ли человеку сытости и материального благополучия, чтобы быть счастливым?.. «Для чего, для какой цели я живу?..» В отсутствии сколько-нибудь убедительных ответов на эти «вечные» вопросы — суть духовного кризиса героя «Апостольской командировки» Рыльникова, вполне благополучного молодого человека наших дней, ударившегося в богоискательство. «Апостольская командировка» как бы продолжает тендряковскую «Чудотворную», «Чрезвычайное» — повести, в которых писатель одним из первых поставил на общественное обсуждение проблему духовного вакуума и его последствий. Повести эти не отнесешь к жанру так называемой «антирелигиозной» литературы. Они отмечены в первую очередь нравственно-философским подходом к сложным явлениям нашей действительности. Их пафос — в споре с искушением ретроспективных, наиболее легких ответов на те или иные неудовлетворенные запросы души человеческой, в утверждении реальных, «земных», то есть социальных, духовных и нравственных ценностей.

При заостренной, полемической постановке вопроса о человеческих ценностях творчество В. Тендрякова отличается столь же заостренным, я бы сказал — воинствующим социальным подходом к решению его. Социальная чуткость писателя проявилась и в том, с какой точностью В. Тендряков уловил в образе Рыльникова некоторые типические черты современного, нынешнего «богостроителя» и «богоискателя». Для него «бог», как правило, не столько вера сама по себе, сколько бегство от самого себя, от своего бездуховного существования в освященную тысячелетиями иллюзию духовности. Современный «богоискатель», как правило, человек неверующий, но стремящийся «уверить», миссионер по отношению к самому себе. В нем

куда больше неудовлетворенности собой, бессмысленностью собственного существования, чем действительной веры в бога. А потому и спор с ним приходится вести вовсе не теологический, но нравственно-философский.

В «Апостольской командировке» этот нравственно-философский спор ведет Густерин, председатель красноглинского колхоза, куда в поисках «бога» сбежал из города Рыльников. Надо сказать, что в сравнении с заоблачными исканиями Рыльникова его (а по сути дела — тендряковский) ответ о путях к осмысленному, одухотворенному и нравственному существованию подчеркнуто прозаичен и обескураживающе прост: «богу» Рыльникова Густерин противопоставляет... коллективное распределение красноглинцами колхозного дохода, его коллективный учет и контроль. А если говорить шире — хозяйское отношение людей к общему делу, колхозу, коллективному труду. Всего-то?!

В спор Густерина с Рыльниковым вдуматься надо. При кажущейся элементарности в нем таится глубокий подтекст, немаловажный для творчества писателя в целом. Густерин вспоминает (а мы вспоминаем многие прежние повести Тендрякова), когда его односельчане в родном колхозе «людьми себя не чувствовали», потому что красноглинец «много лет учили: не лезь с суконным рылом в калашный ряд. Он видел,— продолжает Густерин,— что в наших снежных местах кукуруза не растет, ему приказывали: сей, не смей перечить! Он понимал, что резать стельных коров на мясо преступно, его заставляли: режь, не возражай лишка!» А в результате, подводит итог Густерин, у людей пропадало желание думать об артельном, о «мирском»: красноглинец «переставал возражать, заодно соображать и чем-либо интересоваться». Он утрачивал чувство хозяина жизни, а вместе с тем и высший смысл существования, тот смысл, который соответствует человеческой природе, общественно-преобразовательной сущности человека.

«Мы — хозяева своей жизни» — вот за что боролся еще герой повести «Ненастье» (1954), колхозный председатель Андрей Малюгин, в неравном, трудном бою с секретарем райкома Глухаревым, больше всего ценившим в людях «исполнительность». Малюгин отстаивал право колхозников на самостоятельность и инициативу. Хотя

бы право решать, что и когда сеять на родной колхозной земле. Жизненные принципы Глухарева, которые обручем сковывали инициативу и самостоятельность колхозников, их гражданское, общественное самосознание, с первых книг находили в Тендрякове яростного, неуступчивого противника. Противника принципиального, потому что по глубочайшему убеждению писателя, неоднократно им высказываемому, именно чувство хозяина родного колхоза, родной земли, именно развитое гражданское, общественное самосознание и есть то принципиально новое, что несет с собой в качестве фундамента духовных и нравственных ценностей социализм. Как известно, социализм стремится вернуть человека «к самому себе как человеку общественному, то есть человеческому» (К. Маркс). Социализм сутью своей устремлен к тому, чтобы каждый чувствовал себя гражданином в полном смысле этого слова, заинтересованным в общенародном деле и несущим за него свою долю ответственности.

Партийная позиция писателя как раз и проявлялась в утверждении этого нравственного закона социализма, той последовательности, непримиримости и мужестве, с которыми В. Тендряков выступает в своем творчестве против всего, что сковывает инициативу, самостоятельность, гражданское, хозяйское чувство тружеников, посягает на их рабочее и человеческое достоинство. В. Тендряков воочию показывает, что такого рода посягательства на социалистическое чувство хозяина, на гражданские права личности всегда приносят не только хозяйственный, но и серьезнейший нравственный ущерб. Об этом, в частности, повести «Ненастье», «Тугой узел», «Кончина». Об этом же, в значительной степени, и очерк «Новый час древнего Самарканда», повесть «Три мешка сорной пшеницы».

Эта повесть и этот очерк по тональности стоят как бы на разных полюсах, с предельной резкостью обозначая как ту крайнюю точку отсчета, от которой пришлось двигаться и развиваться нашей деревне после войны, так и ту экономическую и нравственную вершину, которая взята передовыми земледельцами сейчас.

«Три мешка сорной пшеницы» — повесть трагедийная, близкая по духу известной трилогии Ф. Абрамова, повести «Последний поклон» В. Астафьева. Это повесть о подвиге колхозного крестьянства в лютую пору войны,

она исполнена глубочайшего уважения, боли и сочувствия к людям, выдержавшим испытание голодом, холодом и непосильным трудом и при этом сохранившим, как говорит в повести председатель сельсовета Кистерев, совесть живой. Потому-то они и отдавали весь выращенный в колхозе хлеб фронту, являя беспримерный подвиг бескорыстия и самоотверженности.

Писатель рассказывает, что и в эту трудную пору люди, в первую очередь коммунисты, такие, как тот же Кистерев, секретарь райкома Бахтыаров, вернувшийся по ранению с фронта, совсем юный Тулупов, вели споры о жизни, о совести, о принципах, на которых строить грядущую послевоенную жизнь, не желая принимать той выморочности, которую пытался навязать им уполномоченный по хлебозаготовкам Божеумов. За душой у него не было ничего, кроме угроз, окрика, запугивания людей, диктата и насилия над личностью тружеников и экономикой села, прикрытыми разглагольствованием о мнимой государственной пользе.

Конфликт этот выписан в повести с большой художественной силой. За ним — все та же проблема, давно и страстно волнующая В. Тендрякова: преодоление в жизни всех скреп и пут, мешавших и мешающих еще проявлению и развитию в людях подлинно социалистических, одухотворенных и высоконравственных начал. Начал гражданственности.

Пути и методы пробуждения социально активной, гражданской, общественной личности, воспитание в людях, тружениках чувства социальной ответственности, высоко развитого общественного самосознания — вопрос, к которому писатель обращается не только в прозе, но и в публицистике, благо здесь простор для прямых размышлений и выводов. Этот вопрос — в центре его очерка «Новый час древнего Самарканда», опубликованного в журнале «Дружба народов». В. Тендряков поехал в древний Самарканд не ради экзотики, но ради того, чтобы на передовом, современном опыте организации труда хлопкоробов «еще раз попристальней взглядеться во взаимосвязь — человек и труд». И хоть разговоры там он ведет в первую очередь о хлопке, но «хлопок хлопком, а в голову лезут извечные вопросы человеческого бытия».

Его интересует здесь именно то, что противопоставлял

в качестве реальной основы духовных ценностей человеческой личности председатель колхоза Густерпи «богопскателю» Рыльникову: как в этой области, в условиях сложнейшего современного производства, удалось наладить *повсеместный, всенародный*, по ленинским заветам учет и контроль коллективного труда. Он видит в этом достижение не только экономическое, но социальное и нравственное, достижение, выражающее суть человеческих отношений в условиях развитого социализма. «Если рядовой труженник сумеет освоить учет и контроль над своим производством в целом,— утверждает писатель,— значит, он перестанет смотреть на коллективный труд сквозь узкую щель рабочего места, охватит его взглядом целиком, поймет его нужды и возможности, то есть обретет хозяйскую сознательность. Свершится величайший в истории переворот».

Переворот, крайне важный для экономики, но не менее важный и для нравственности. Ибо именно «хозяйская сознательность» и превращает труд в подлинное творчество, в «школу понимания человека человеком, уважения человека человеком». «Общая заинтересованность труженников в деле» не только убивает равнодушные к жизни и труду, но еще и учит *«самой необходимой в жизни науке — общению»*, «взаимопониманию», а «нельзя мечтать о взаимопонимании всех членов общества, если основные человеческие отношения — трудовые — будут строиться по принципу: приказываю — исполняю, знать и думать тебе не обязательно».

Владимир Тендряков интересен и значителен сегодня как художник, который не просто изображает жизнь, но напряженно думает над ней, стремится к социальному осмыслению кардинальных закономерностей и тенденций ее развития, постоянно наращивает свою философскую, теоретическую вооруженность. Его творчество — урок для тех молодых писателей, которые пока что не в силах противостоят новомодному «соблазну пугра» (выражение М. С. Шагинян), резко ограничивающему их творческие возможности, ибо невозможна большая, подлинная проза вне сферы мощной гражданской, социально-философской мысли. Проза В. Тендрякова лишней раз показывает, как растут в цене в современной нашей литературе качества таланта, честности, ума, глубокого и точного социально-философского мышления.

И хотя, повторяю, эти стихи, стихи мысли и художества, не всегда пребывают в творчестве В. Тендрякова в состоянии гармонии, но куда чаще — борьбы и противоречий, тем не менее убежден: именно счастливое сочетание этих обязательных для творца стихий и помогает Владимиру Тендрякову с честью выполнять трудную, но обязательную для подлинного писателя обязанность — обязанность впередсмотрящего.

1974